

«Орфей спускается в ад» — первая пьеса современного американского драматурга Тенниси Уильямса, показанная в Москве театром имени Моссовета, и, пожалуй, лучшая пьеса писателя. В ней с большой остротой и последовательностью звучит близкая нам тема в целом сложная и противоречивого творчества Уильямса — тема беспощадного и страстного обличения современного буржуазного общества, зверски уродующего, калечащего судьбы и души людей.

Нет, Тенниси Уильямс далек от действительного понимания законов общественного устройства мира, исторических причин тягостного духовного существования современников на Западе. Он не видит будущего, не знает выхода из трагического тупика. Но порой в его пьесах, широко идущих на сценах театров многих стран, слышатся такая боль, отчаяние, такие истинно трагические ноты, что, желает сам того писатель или нет, но произведения его становятся безжалостными свидетелями обвинения — обвинения человеконенавистничества, злобы, духовного убожества, цинизма, пошлости, душащих, коверкающих все чистое, светлое, живое.

Пьеса «Орфей спускается в ад» обвиняет тех, кто затравил и убил итальянскую эмигрантку Леди, простого американского парня Вэла, сжег отца Леди вместе с его рестораником только за то, что он охотно угощал и черных и белых посетителей, лишил рассудка и зрения слабоумную жену шерифа Толбота. Страшная, удушливая атмосфера провинциального американского городка Ту Ривер, похожего на многие другие городки, встает со страниц пьесы. Ад, поистине ад, где нечем дышать, не-

Тенниси Уильямс осуждает

мыслимо жить нормальному, здоровому человеку.

Постановщик спектакля И. Анисимова-Вульф и актеры обратили пристальное внимание на судьбы затравленных, замученных героев пьесы. Симпатии театра всецело на стороне Леди и Вэла, Кэрол и Ви. С большой сердечностью показаны Г. Некрасовым естественность и чистота помыслов Вэла, который не желает быть товаром в обществе, где все или продают себя или покупают других, который хочет в сущно-

Яростен, вызывающий в сущности бессилен бунт Кэрол — Т. Черновой против вконец растленной морали жителей городка.

Менее выразительно воссоздана в спектакле страшная, удушливая атмосфера городка. Театр не уберется от примитивизации, штампов в изображении современных американских обывателей и представителей власти. А ведь зло, изображенное Уильямсом, не примитивно, оно изощренно, омерзительно, фанатично. Порой даже

понята и не сыграна своеобразная роль дядошки Плезанта — колдуна с Голубой горы. Невероятное внутреннее напряженное духовного существа гибнущих героев, крайняя степень их отчаяния, надрыва, вызова обществу также не всегда получают должное выражение в игре актеров. Это относится и к исполнению В. Марецкой и Г. Некрасовым последнего акта.

Хочется поспорить с театром относительно трактовки финала. Финал устрашающий и почти натуралистичен в пьесе. Растерзанного Вэла уволкивает разъяренная толпа воинствующих обывателей, чтобы линчевать тут же, немедленно, под оглушительный лай собак и душераздирающие крики казнимого. Театр сгладил, смягчил отчаянный, беспросветный трагизм сцены. Торжественно и как будто даже победоносно, с курткой Вэла в руках и его песней уходит со сцены ставшая похоронной на скромную школьницу Кэрол — Чернова. Этот светлый штрих мог бы быть закономерным в контрасте с предыдущими эпизодами. Но контраста не получается.

Трагизм и ирония живут рядом в пьесе Уильямса. Древнегреческий певец и поэт Орфей мог тронуть своим пением не только людей, но и зверей, и камни. Новоявленный Орфей не в силах даже задеть сердца обитателей Ту Ривер. Согласно мифу, Орфею вернули в подземном царстве любимую Эвридику, и он сам был виноват, что вновь потерял ее. Возлюбленную Вэла жестоко уничтожили, как и его самого. Так разоблачают Тенниси Уильямс и его пьеса пресловутую легенду об американском расе, об американском образе жизни, об американском стандартном счастье.

А. Образцова.

СПЕКТАКЛЬ ТЕАТРА ИМЕНИ МОССОВЕТА

сти весьма немногого — честно работать и свободно петь свои песни. С не меньшей искренностью и душевностью раскрыты В. Марецкой глубокая боль сердца Леди, неизменно помнящей о страшной гибели отца, ее непростительная, ее вновь родившаяся мечта о правде, бескорыстности человеческих отношений. Режиссер и актеры верно подчеркивают то, с каким трудом идут навстречу друг другу Леди и Вэл, как нелегко им преодолеть недоверие, сомнение, страх в мире, где никто никому не верит.

Чистоту, правду и естественность порывов — эти черты героинь сознательно отгенили исполнительницы ролей Ви и Кэрол — Н. Бутова и Т. Чернова. Трагическую сломленность духовных и физических сил Ви, ее жалкие попытки спрятаться в мире болезненных видений с глубоким драматическим напряжением передала Н. Бутова.

трудно поверить, что такие зверства и садизм существуют на свете. Но не верить автору нельзя: он-то лучше знает своих соотечественников — торрейсов и толботов, биннингсов и хаммов. Доведившись автору. С. Бирман создала в небольшой роли сиделки иронический, злой портрет бессердечной ханжи, играющей в милосердие.

Театр попытался преодолеть черты известной болезненности, свойственные творчеству Тенниси Уильямса, нашедшие отражение и в этой его пьесе. Но театр недостаточно ясно передал некоторые существенные художественные особенности творческой манеры драматурга, например склонность Уильямса к поэтическим символам, приподнятости и условности обобщений. Обыкновенно, приземлены такие эпизоды, как рассказ о прошлом Леди, своего рода ввод в пьесу, появление Вэла. Не

Вечерняя Москва
1961 11 сентября